

К. Е. МАЙТИНСКАЯ (Москва)

УЧАСТИЕ ЗАИМСТВОВАННЫХ ЭЛЕМЕНТОВ В РАЗВИТИИ ФОРМ СТЕПЕНЕЙ СРАВНЕНИЯ В ФИННО-УГОРСКИХ ЯЗЫКАХ

1. В финно-угорском языке-основе способ выражения степеней сравнения еще не определился. Соответствующие значения передавались с помощью различных вспомогательных средств — синтаксических или суффиксов разного назначения, которые помимо основной функции служили и для выражения значений сравнительной и превосходной степеней. После распада финно-угорской общности в языковых ветвях и отдельных языках появились морфологические (аналитические и синтетические) способы выражения указанных значений. Однако точному или даже сравнительно точному учету эти способы не поддаются, поскольку по ряду языков не выявлена степень грамматикализованности того или иного способа. Если в каком-либо языке возможно использование двух или трех способов, часто неясно, какой из них достаточно обобщен для включения в парадигму. Поэтому в нижеследующем анализе наряду с «настоящими» грамматикализованными способами выражения значений степеней сравнения будут привлечены и те, которые в соответствующем языке в силу малой обобщенности представляют собой переходное звено между словообразованием и формообразованием или между лексическим и морфологическим способами выражения соответствующих значений.

Естественно, что здесь не рассматриваются образования, выражающие ограничение качества вне сравнения (типа рус. *красноватый*, *реденький* и т. д.) или его высокую степень (типа рус. *пребогатый* и т. д.), так как они не относятся к категории степени сравнения. Поскольку форма положительной степени в финно-угорских языках, как и во многих других, не обозначена и выявляется лишь в противопоставлении с неположительными формами, в нижеследующем анализе она не учитывается; рассматриваются только формы и конструкции сравнительной и превосходной степеней.

Для развития категории степени сравнения в финно-угорских языках иноязычное влияние оказалось довольно плодотворным: материальные средства (суффиксы, префиксы, служебные слова аналитических конструкций) разных языков проникали в контактирующие финно-угорские языки и в последних становились тоже компонентами образований и конструкций степеней сравнения. Материалом для данного анализа послужили только элементы, заимствованные финно-угорскими языками как бы в «готовом» виде; элементы же, приобретшие эту функцию в заимствующем языке, здесь не рассматриваются.

2. Грамматические формы сравнительной степени и конструкции, вы-

ражающие соответствующее значение, в финно-угорских языках появились в результате двух основных процессов: образования суффиксальных признаков сравнительной степени и образования (аналитического) сочетания вспомогательного компонента с формой положительной степени прилагательного. Выявляются далее отдельные случаи образования супплетивных оппозиций, однако они относятся лишь к единичным словам определенной семантики, типа русских супплетивных пар *хороший* — *лучше*, *много* — *больше*.

Займствование элементов, функционировавших уже в языке-передатчике в качестве средств компаративных образований или конструкций, в финно-угорских языках мало распространено. Нам известно всего два случая займствования соответствующих суффиксальных элементов.

Марийским языком признак сравнительной степени *-rak/-rāk* заимствован из чувашского; ср. мар. *сай* 'хороший' — *сайрак* 'лучше', чув. *айш* 'теплый' — *айшрах* 'теплее'.¹ Несомненность займствования *-rak/-rāk* из чувашского языка подтверждается тем, что такой признак в других финно-угорских языках (кроме марийского) не выявляется.

Пермский усилительный суффикс *-žik / -žik*, преобразовавшийся в коми языке и в некоторых удмуртских диалектах в признак сравнительной степени, в последнем качестве из коми языка перешел в контактирующий с ним хантыйский; ср. коми диал. *kiz* 'толстый' — *kizžik* 'толще' и хант. *iəm* 'хороший' — *iəmčək* 'лучше'; последнее слово оформлено при помощи *-ček/-čək*, заимствованного из коми языка.²

Любопытно, что в сфере образования аналитических форм сравнительной степени финно-угорских языков нам не удалось обнаружить ни одного случая займствования служебных элементов, хотя, как известно, отдельные служебные слова заимствуются легче, чем суффиксальные элементы. Подтверждают это и приводимые материалы развития форм превосходной степени.

3. Формы превосходной степени в финно-угорских языках появились в результате следующих основных процессов: 1) образования суффиксальных признаков превосходной степени; 2) образования префиксальных признаков превосходной степени; 3) образования аналитического сочетания вспомогательного компонента с формами других степеней сравнения прилагательных. Как в сфере сравнительной степени, у тех же слов развилась супплетивная оппозиция образования формы превосходной степени.

В отличие от сравнительной степени в случае превосходной не встречаются займствования финно-угорскими языками из других языков по линии образования суффиксальных признаков. Для развития префиксальных признаков займствование тоже мало характерно. Мы знаем только один случай: в некоторые северные и южные венгерские говоры соответственно из словацких и сербскохорватских говоров перешла приставка *naј-* (ср. рус. *наилучший*), которая по аналогии с венгерским суперлативным префиксом *leg-* стала присоединяться к форме

¹ F. J. Wiedemann, Versuch einer Grammatik der tscheremissischen Sprache, Reval 1847, стр. 50; J. Budenz, Cseremisiz tanulmányok. — NyK III 1864, стр. 422, И. С. Галкин, Историческая грамматика марийского языка. Морфология I, Йошкар-Ола 1964, стр. 95.

² K. F. Karjalainen, Grammatikalische Aufzeichnungen aus ostjakischen Mundarten, Helsinki 1964 (MSFOu 128), стр. 81, 254, 313; D. R. Fuchs, Der Komparativ und Superlativ in den finnisch-ugrischen Sprachen. — FUF XXX 1949, стр. 169—170; A. Raun, On Semantic Components in Finno-Ugric Comparison. — Essays in Finno-Ugric and Finnic Linguistics. Bloomington—The Hague 1971 (UAS 107), стр. 120; J. Mägiste, Suffixentlehnung in den finnisch-ugrischen Sprachen, insbesondere aus dem Russischen. — JSFOu 69₂ 1968, стр. 6.

сравнительной степени; ср. южный говор венгерского языка *náđ* 'большой' — *náđobb* 'больше' — *najnáđobb* 'самый большой', ср. хорв. *najlepši* 'самый красивый'.³ Маловероятным представляется объяснение Я. Мелиха, который возводит указанный префикс к аллативному падежному окончанию *-nál/-nél*, выделившемуся из формы слова, обозначающего в сравнительном обороте то, с чем что-либо сравнивается⁴ (имеются в виду синтаксические обороты типа венг. *fényesebb a napnál* 'ярче солнца').

В отличие от аналитических форм и конструкций сравнительной степени аналитические формы превосходной степени использовали заимствованные частицы интенсивно. Особенно значительна роль русской частицы превосходной степени *самый*, которая перешла почти во все языки финско-пермской ветви; ср. кар. *suõmi dālgimaïne hebo* 'самый последний конь', вепс. *samē hond* 'самый плохой', вод. *sāmoi sūri* 'самый большой'⁵, мордЭ *самай паро тейтересь* 'самая хорошая девушка', мордМ *самай оцю школась* 'самая большая школа', *sami oçu* 'самый большой'⁶, мар. диал. *самый кого* 'самый большой', *самой кугу ала* 'самый большой город'⁷, комиП *сáмóй бáсöк* 'самый красивый', удм. *самой пичиез нылыз* 'самая младшая дочь'⁸.

Известно, что в русском языке частица превосходной степени *самый* за небольшим исключением сочетается с формой положительной степени прилагательного: *самый маленький*, *самый широкий*, *самый сладкий* и т. д. Именно эта модель выявляется и в вышеприведенных финно-угорских языках. Случай сочетания частицы, восходящей к рус. *самый*, с формой сравнительной степени прилагательного нам известен только по материалу калининского диалекта карельского языка, собранному и обработанному А. Пунжиной; ср. *suatoi pitkemb* 'самый длинный' (пример из канд. дисс. А. Пунжиной). По-видимому, данная модель в карельском языке формировалась тоже под влиянием русского языка, в котором при использовании отдельных прилагательных частица *самый* сочетается с формой неположительной степени: *самый худший*, *самый лучший*, *самый младший*, *самый старший*. Любопытно, однако, что в вышеприведенной карельской конструкции прилагательное, выступающее в форме сравнительной степени, обозначает 'длиннее', в то время как в русском языке прилагательное соответствующего значения сочетается с частицей *самый* только в форме положительной степени; ср. *самый длинный*.

В сравнении с рус. *самый* частицы, заимствованные из других языков, получили лишь небольшое распространение, охватывая не более одного-двух финно-угорских языков.

Среди суперлативных частиц, заимствованных из тюркских языков, особое место занимает тат. *иң, еп* 'очень; самый', проникшая во все волжские финно-угорские языки; в татарских диалектах эта частица употребляется как в значении рус. *очень*, так и в значении рус. *самый*; ср. тат. *иң jakši* 'очень хороший; самый хороший', ср. турец. *еп еји* 'са-

³ D. R. Fuchs, указ. раб., стр. 226.

⁴ J. Melich, A nájnagyobb-féle felsőfokról. — MNy VIII 1912, 388—389.

⁵ D. R. Fuchs, указ. раб., стр. 214; P. Ariste, A Grammar of the Votic Language, Bloomington—The Hague 1968 (UAS 68), стр. 53.

⁶ Грамматика мордовских языков. Фонетика и морфология, Саранск 1962, стр. 168; J. Juhász, Moksa-mordvin szójegyzék, Budapest 1961, стр. 142.

⁷ И. С. Галкин, указ. раб., стр. 98; И. Г. Иванов, Г. М. Тужаров, Северо-западное наречие марийского языка, Йошкар-Ола 1970, стр. 129.

⁸ Коми-пермяцкий язык. Введение, фонетика, лексика и морфология, Кудымкар 1962, стр. 216; Грамматика современного удмуртского языка. Фонетика и морфология, Ижевск 1962, стр. 137.

мый хороший'. Татарское происхождение марийской суперлативной частицы лит. *en*, диал. *in* представляется довольно ясным. Примеры из марийского языка: *эн кугу* 'самый большой', сев.-зап. *те кысле ин сэй* 'эти гусли самые хорошие'.⁹

По поводу же мордовской суперлативной частицы *en ~ in ~ äñ ~ iñ*, например *in otšu* 'самый большой', высказывались разные точки зрения. Е. Юхас, которого смущает наличие палатального *-ñ* в составе некоторых вариантов частицы, считает, что в мордовских языках она появилась путем выделения генитивного *-ñ* из состава мордовских суперлативных частиц типа *šveñ, šextoñ*, восходящих к рус. *все(x) +* конечный генитивный морд. *-ñ*.¹⁰ Однако в мордовских языках после переднерядного гласного твердый *-n* переходит в мягкий *-ñ* довольно закономерно. Неубедительным представляется и мнение, высказанное в «Грамматике мордовских языков», согласно которому мордовская частица *iñ ~ eñ* восходит к имени *iñe* 'большой'.¹¹ Мы разделяем точку зрения большинства исследователей, считающих, что мордовские варианты указанной суперлативной частицы восходят к тюркской частице превосходной степени.

Тюрк. *çen ~ çin ~ tin* в соответствующих языках употребляется в качестве как усилительной, так и суперлативной частицы; удмуртским языком она перенята в обеих функциях; ср. удм. *тыын айбат* 'самый хороший', *çen badzem* 'самый большой'; ср. чув. *fsän lajex* 'самый лучший'.¹²

Хантыйский язык коми приставку *med-*, участвующую в образовании коми формы превосходной степени, заимствовал в качестве суперлативной частицы в виде *mët/mèt*; ср. коми *medbur* 'самый хороший', хант. *mët ün nēη!* 'самая старшая женщина'.¹³

4. Вышеприведенный анализ не включает случаи, когда какой-либо заимствованный элемент в языке-передатчике еще не употреблялся как средство, выражающее значение степеней сравнения, и стал таковым только в заимствующем финно-угорском языке. Например, частица *jo* в значениях 'и; даже' из германского языка-источника была перенята еще прибалтийско-финским языком-основой; частицей же сравнительной степени она стала уже в ливском языке.¹⁴ В русском языке слово *всех* в оборотах типа *всех сильнее, всех моложе* и т. д. еще не может считаться частицей степени сравнения, так как не утратило значимости знаменательного слова. Вместе с моделью указанного оборота из русского языка оно перешло в мордовские, марийский и пермские языки, в которых претерпело разные фонетические изменения, по значению утратило связь с русским местоименным словом *все* и превратилось в суперлативную частицу; ср. мордЭ диал. *čэк паро* 'самый лучший; самый хороший', марГ *сек кого* 'самый большой'¹⁵; комиП *сек*

⁹ М. Räsänen, Die tatarischen lehnwörter im tscheremissischen, Helsinki 1923, (MSFOu L), стр. 26; И. С. Галкин, указ. раб., стр. 98; И. Г. Иванов, Г. М. Тужаров, указ. раб., стр. 129.

¹⁰ J. Juhász, Mordvin M. *iñ, äñ* 'leg-'. — NyK XLVII 1928—1930, стр. 315—316.

¹¹ Грамматика мордовских языков. Фонетика и морфология, стр. 186.

¹² D. R. Fuchs, указ. раб., стр. 200; И. В. Тараканов, Служебные слова тюркского происхождения в диалектах удмуртского языка. — Вопросы удмуртского языкознания. Вып. 3. Ижевск 1975, стр. 180, 188.

¹³ D. R. Fuchs, указ. раб., стр. 198—200.

¹⁴ А. Лаанест, Прибалтийско-финские языки. — Основы финно-угорского языкознания. Прибалтийско-финские, саамский и мордовские языки, Москва 1975, стр. 70; SKES I, стр. 116.

¹⁵ М. М. Давыдов, Больше-Игнатовский диалект эрзя-мордовского языка. — Очерки мордовских диалектов II, Саранск 1963, стр. 172; И. С. Галкин, указ. раб., стр. 98.

báčok 'самый красивый', удм. *šek žeč* 'самый лучший'.¹⁶ Подобные случаи нами не квалифицируются как заимствование элементов образования форм сравнительной или превосходной степеней, следовательно, к рассматриваемому вопросу не относятся. Не относятся сюда и случаи, когда какая-либо частица, употреблявшаяся в языке-передатчике в качестве частицы превосходной степени, в заимствующем финно-угорском языке используется лишь как усилительная, сочетаемая в нем с обычной формой превосходной степени. Такие случаи встречаются в диалектах саамского и коми языков, в которых заимствованные частицы, восходящие к рус. *самый*, лишь усиливают значение форм превосходной степени; ср. в кильдинском диалекте (Ловозеро) саамского языка *sama távsamus zóir* 'самый, самый сильный зверь' (*távsamus* 'самый сильный')¹⁷; в кольском говоре ижемского диалекта коми языка *самэй медбур* 'самый самый хороший' (*медбур* 'самый хороший').¹⁸

5. Вышеизложенное позволяет сделать следующие выводы. В развитии форм и слабо грамматикализованных конструкций сравнительной и превосходной степеней финно-угорских языков значительное участие принимали заимствованные элементы образования форм и конструкций сравнительной и превосходной степеней контактирующих языков. Особенно много подобных элементов проникло в финно-угорские языки из славянских (прежде всего из русского), несколько меньше из тюркских (чувашского и татарского); имело место также заимствование из родственных языков (хантыйским из коми). Наиболее распространено в финно-угорских языках заимствование элементов соответствующей функции, получивших роль в развитии аналитических форм и конструкций превосходной степени. Такие случаи выявляются в большинстве финно-угорских языков. Суффиксальные образования, развившиеся с использованием заимствованных средств соответствующей функции, наблюдаются только в сфере компаративных образований марийского и хантыйского языков, а префиксальные — только в сфере суперлативных образований венгерских диалектов.

¹⁶ Р. М. Баталова, Коми-пермяцкая диалектология, Москва 1975, стр. 169; D. R. Fuchs, указ. раб., стр. 200.

¹⁷ Г. М. Керт, Саамский язык, Ленинград 1971, стр. 167.

¹⁸ М. А. Сахарова, Н. Н. Сельков, Некоторые особенности говора кольских коми, — Историко-филологический сборник. Вып. 6, Сыктывкар 1960, стр. 142.

K. J. MAJTINSKAJA (Moskau)

DIE ROLLE DER ENTLEHNTEN ELEMENTE IN DER ENTWICKLUNG DER STEIGERUNGSFORMEN IN DEN FINNISCH-UGRISCHEN SPRACHEN

In der Entwicklung der finnisch-ugrischen grammatikalischen Formen und schwach grammatisierten Konstruktionen des Komparativs und Superlativs spielten die aus den Nachbarsprachen entlehnten Elemente, die schon in den übergebenden Sprachen in Steigerungsfunktionen gebraucht worden waren, eine bedeutende Rolle. Besonders viele derartige Elemente sind in die finnisch-ugrischen Sprachen aus slawischen Quellen (besonders aus dem Russischen) eingedrungen, etwas weniger aus den Turksprachen (aus dem Tatarischen und Tschuwassischen). Auch Entlehnungen aus den verwandten Sprachen kommen vor (das Chantische übernahm Elemente aus der Komi-Sprache). Die meisten entlehnten Elemente nahmen an der Ausbildung der superlativischen analytischen Formen und Konstruktionen teil. Beispiele einer derartigen Entwicklung sind fast in allen finnisch-ugrischen Sprachen aufzufinden. Suffixalische Steigerungselemente (ausschließlich im Komparativ) übernahmen nur das Marische und Chantische. Ein slawisches superlativisches Präfix ist in die ungarischen Mundarten eingedrungen.